

Глава первая

Приговор приговору — рознь. Те, которые десятками в день штампуют одуревшие от наплыва «дел» народные судьи, внимания практически не привлекают. Толкутся, конечно, в убогих коридорах родственников да любопытствующих из соседей — по большей части пенсионеры, несколько старушек из окрестных домов, приспособившихся скрашивать монотонную жизнь бесплатным, к тому же взаправдашним представлением.

Иногда редакционный план загонит сюда корреспондента местной газеты, который тиснет под рубрикой «Из зала суда» поучительную заметку на сто строк о преступлении и последовавшем за ним наказании. Но вряд ли это кого-то всерьез взволнует — придут два-три письма: дескать, меня тоже обворовали, или — хулиганы совсем обнаглели, а дают им мало — вот и вся ответная почта.

Конечно, самый заинтересованный в этом деле — сам подсудимый. Если пришел свободно, по повестке, то курит нервно одну сигарету за другой и ошивается под фанерной дверью, напрягая барабанные перепонки: если только перья скрипят или машинка

стучит, можно рассчитывать на отсрочку, условную меру или другую «химию», а если вдруг телефон прозвякает — плохо дело, могут конвой вызвать, и тогда последними словами станут: «Взять под стражу в зале суда». Впрочем, может, судья или нарзаседатель просто домой прозванивает: как там дела, все ли в порядке. Да и если в райотдел — тоже, может, обойдется: то у них людей нет, то машина сломалась, то бензин кончился... Посидят судейские взаперти, плюнут да перепишут резолютивную часть: «Меру пресечения оставить без изменения — подписку о невыезде».

Нервное это дело — ожидать, как тебе судьбу определят — орлом или решкой. Когда привезли на суд в автозаке, тут, по крайней мере, ясно — не выпустят. Не потому, что нельзя — нынче все можно, а потому, что прокурор со следователем уже как могли перестраховались, и, если бы существовала хоть крохотная такая возможность, они бы и не подумали с арестом затеваться. Так что сиди спокойно и жди, тем более, оно примерно известно, сколько отвесят.

Другое дело — приговор областного суда или, скажем, Верховного. Тут мелочевкой не занимаются, и здания поприличней, и конвой другой — не привычные милиционеры, а сторожкие солдаты из внутренних войск. Но главное в другом — здесь могут произнести слова, от которых у самого бывалого зэка желудок опускается: «К смертной казни». И в зале — тишина, и наручники на завернутых назад руках, и раскаленный или перемороженный автозак под мигалкой и сиреной, а вокруг кругами: «к расстрелу», «вышака», «на луну отправили»... Вот тут уж равнодушных не остается. И дело не в конкретном приго-

воренном, не о нем спорят профессора, не его защищают известные писатели, лауреаты госпремий и активисты общества «Международная амнистия». Дело в самом принципе: имеет ли право государство лишать жизни своего гражданина? Этично ли это? Гуманно ли? Цивилизованно ли, наконец?

Может ли один человек на законном основании пролить кровь другого? Или писанные законы не должны нарушать естественных человеческих запретов?

Пожизненное заключение — альтернатива или более мучительный вариант?

Споры ведутся давно, в пользу каждой позиции высказано много убедительных аргументов. А между тем...

«...учитывая исключительную опасность содеянного...»

«...приговорил...»

«...к исключительной мере наказания...»

«...смертной казни!»

Жестко обкатанные, с многократным запасом прочности сконструированные формулировки последнего обвинения, как нож гильотины, обрубают тысячи социальных связей осужденного, беспощадно и навсегда отделяя его от всего хорошего или плохого мира людей.

И если бы суровые слова, облеченные в строго определенную форму, скрепленные подписями и гербовой печатью, могли не только определить юридическое положение приговоренного, но и воздействовать на физиологические процессы его организма — остановить сердце, нарушить кровообращение, парализовать мозг, — писать далее было бы не о чем. Но ни

одна бумага — самая весомая и авторитетная — не способна сама по себе произвести какие-либо изменения в окружающем мире, тем более выполнить работу, с которой легко справляется падающий с двухметровой высоты кусок косо сточенного металла.

Глава вторая

По пустынной, далеко просматривающейся улице с мигающими, как глаза зверей, желтыми сигналами светофоров на определенной инструкции скорости — восемьдесят километров в час — неслась машина-фургон с косыми надписями «Хлеб» на обеих сторонах стального кузова.

Любой инспектор дорнадзора ГАИ обязательно остановил бы ее и спросил у водителя: какого черта он гонит как на пожар... Но поздней ночью гаишники обычно не встречаются и вопросов не задают. А если бы вдруг и случился какой на дороге, он бы получил соответствующий ответ, тоже предусмотренный инструкцией, хотя вряд ли этот ответ разъяснил бы все его сомнения — скорее наоборот: добавил бы новые.

Глава третья

Валера Попов перешел в областной аппарат как раз тогда, когда Фаридов оформлялся на пенсию. Это совпадение во многом определило дальнейшую судьбу капитана, хотя Фаридова он знал только в лицо и,

встречая в коридоре угрюмого коллегу из другой службы, даже не раскланивался с ним.

Пока Фаридов лежал в госпитале, произошло еще одно событие, способствовавшее развитию простого совпадения кадровых перемещений в нечто большее.

Воскресным вечером гражданин Козлов повесил в ванной на бельевой веревке жену, а потом из охотничьего полуавтомата «МЦ 21-12» открыл огонь по автомобилям и прохожим. С шестого этажа открывался широкий сектор обстрела, мишеней было много, и то, что обошлось всего тремя ранеными, можно отнести только на счет счастливой случайности.

Улицу перекрыли, послали за снайпером, но Козлов стал молотить по окнам магазинов и жилых домов. Тогда Попов по пожарной лестнице влез на балкон, проник в квартиру и, как написали в вечерней газете, «обезвредил преступника». «Обезвредил» он его выстрелом с трех метров в левый бок с ранением сердца, повлекшим мгновенную смерть.

Через час, когда Попов дрожащей рукой писал объяснение прокурору, еще не зная, как обычно в подобных случаях, наградят его, уволят со службы или отдадут под суд, в дежурку заглянул низкорослый плотный человек с незапоминающимся лицом, в тщательно подогнанном и отглаженном мундире — подполковник Викентьев, который с интересом осмотрел героя дня. На следующий день Викентьев внимательнейшим образом изучил личное дело капитана Попова. И что интересно: занудливый кадровик без звука выдал этот секретный документ подполковнику, хотя Викентьев начальником Попова не являлся и, следовательно, никакого отношения к его личному делу не имел.

Еще через день прокурор дал заключение о правомерности применения оружия. С учетом того, что Козлов был обычным психопатом, руководство решило не представлять Попова к награде, а поощрить деньгами в сумме шестидесяти рублей.

Вечером, когда коридоры управления опустели, Викентьев зашел к засиживающемуся допоздна генералу. Звание и должность не позволяли ему запросто заходить к начальнику управления, тем не менее он это сделал. Если бы в приемной находился внимательный наблюдатель, он бы отметил, что тяжелую дверь генеральского кабинета начальник второстепенного отдела распахивает уверенней, чем иной полковник, возглавляющий самостоятельную службу.

— Заходи, Владимир Михайлович. — Грузный краснолицый генерал оторвался от бумаг и, глядя на вошедшего поверх массивных в щегольской оправе очков, вытряхнул ему навстречу из рукава форменного кителя пухлую, поросшую рыжеватыми волосами ладонку.

Викентьев пожал начальнику руку и, не ожидая приглашения, сел у длинного приставного стола.

— Лесухину кассацию отклонили, — как будто продолжая разговор о хорошо знакомых собеседникам вещах, сказал генерал.

— Знаю. Вчера подал «помиловку», — так же обыденно отозвался Викентьев. — Думаю, ничего ему не светит.

— С бензином вопрос решили? Я давал указание.

Викентьев кивнул.

— Теперь с перекраской тянут резину. Уже два литра спирта отдал — одни обещания.

Генерал пристально посмотрел на подчиненного: — Все-таки по-своему делаешь? У Солженицына — фургон «Мясо», у Евтушенко — «Хлеб», и у тебя то же самое! Ни шагу в сторону от шаблона!

Подполковник отвел взгляд и упрямо молчал.

— Ну-ну, тебе видней, — примирительным тоном продолжил генерал. — С чем пришел?

— Надо готовить человека вместо Фаридова. Хочу попробовать Попова.

— Кто такой? — удивился генерал. — Ах, новенький из розыска... Да, подписывал на него приказ, парень шустрый. Думаешь? Молодой ведь... Хотя...

Генерал снял очки, массирующим движением провел по лицу, будто желая сорвать постаревшую морщинистую кожу, задумался.

— Может быть, может быть... — повторил он как бы про себя, помолчал с полминуты и принял решение: — Ладно, попробуй Попова!

Последняя фраза прозвучала резко, отменяя все сомнения. То, что генерал не стал давать напутствий и указаний, свидетельствовало о полном доверии Викентьеву. Полковник это понял и оценил.

— Разрешите идти? — сугубо официально спросил он.

Не поднимая глаз, генерал кивнул. Он опять с головой был погружен в работу.

В четверг перед перерывом Викентьев набрал четыре цифры на диске внутреннего телефона и, не здороваясь, сказал:

— Саша, зайди ко мне в обед.

Таким тоном демократичный начальник вызывает подчиненного. И хотя старший оперуполномочен-

ный уголовного розыска Сергеев не был подчиненным Викентьева, он ответил коротким: «Вас понял» — традиционным оборотом, принятым для общения с начальством.

Ровно в четверть второго двухметровый майор в скрывающей фигуру культуриста мешковатой гражданской одежде, свернул в не просматриваемый из длинного коридора «аппендикс», ведущий к лестнице черного хода, и без стука распахнул дверь единственного здесь кабинета. Это не было проявлением невоспитанности — просто Сергеев последние семь лет входил в группу захвата особо опасных преступников и по-другому открывать двери не умел.

— Что за парень Попов? — в лоб спросил Викентьев, не тратя времени на предисловия.

— Хороший парень, — не удивляясь, ответил Сергеев. — Смелый, цепкий, надежный.

— Ну, а вообще? — настаивал подполковник. — Чем увлекается, с кем дружит, пьет — не пьет...

Всю жизнь Сергеев занимался боевыми единоборствами — от традиционных самбо и бокса до экзотических карате и кунг-фу. Эти увлечения и регулярные задержания вооруженных бандитов не могли не сказаться на его внешности. Даже в минуты благодушия суровое лицо майора — со сплюсненными ушами, перебитым носом, плохо и хорошо заметными шрамами, холодным настороженным взглядом — не располагало к доверительным расспросам. Сейчас боевая маска закаменела окончательно.

— Я что, когда-нибудь давал компру на товарищей? — будто бы спокойно процедил Сергеев, но казалось — чуть разомкни он сжатые губы, и выглянут

клыки. «Волкодав» есть «волкодав». В такие минуты от него исходила волна ледяной решимости, парализующая глубоко-глубоко, на животном уровне, самого дерзкого блатаря.

Но на аккуратного, в подогнанной и отглаженной форме подполковника Викентьева происшедшая с Сергеевым метаморфоза никакого впечатления не произвела.

— Да ты что, Саша, совсем плохой? — небрежно-снисходительно спросил Викентьев. — Разве я когда-нибудь компру на ребят сдаивал?

Боевая маска едва заметно расслабилась.

— Вместо Фаридова нам человек нужен, — продолжал подполковник. — Вот я и присматриваюсь к Попову.

— Вот оно что...

Сергеев опустил глаза на разбитые туфли сорок шестого размера.

— Молодой парень... Что, больше некого?

— Предложи!

Аккуратный Викентьев буравил «волкодава» пронизывающим колючим взглядом, и тот заметно сник.

— То-то же! — отрубил подполковник. — Знаешь, с кем он дружил в Центральном райотделе?

— С Петровым, Свиридовым, — нахмурился, ответил майор.

— Правильно. Но это все знают. А на Олимпиаду он ездил с Куприным и Васильевым. Вот у них четверых и поинтересуйся — как да что. Если все нормально — в выходные вывези его на природу и присмотришь сам...

Сергеев, опустив голову, молчал.

— Понял? — резко спросил Викентьев.

Словно отходя от нокдауна, майор потряс головой:

— Чего ж непонятного...

Внутреннее сопротивление отступило, и он настраивался на предстоящую работу.

— На природу с нашими ехать?

— Зачем? — Викентьев неодобрительно пожал плечами. — Собери компанию из своих ребят, хочешь — возьми Наполеона. Даже обязательно возьми, — поправился подполковник. — У него глаз — как рентген!

— Больно мутный рентген-то, — буркнул Сергеев, чтобы оставить за собой последнее слово.

— Не беспокойся, все, что надо, высветит. Старый конь борозды не испортит. Нам у него многому можно поучиться... Конечно, с поправкой на современность.

Викентьев внимательно разглядывал собеседника, постукивая упругими сильными пальцами по крышке стола.

Сергеев встал.

— Тебе все ясно, Саша?

— Ясно, — хмуро ответил майор.

— Вот и хорошо. Сейчас иди пообедай и — вперед!

Викентьев любил, чтобы последнее слово оставалось за ним, любил, чтобы его слушались, и умел этого добиваться, хотя Сергеева повел в столовую не наказ подполковника, а элементарный голод.

У стойки раздачи Сергеев встретил Куприна и, хотя они не были друзьями, заговорил с ним и сел за один столик. Как-то сам собой разговор зашел об участии в охране порядка на Олимпиаде, и Куприн

охотно рассказал, как они с Васильевым и Поповым провели полтора месяца в столице.

Вечером Сергеев проскочил в Центральный райотдел, решил ряд мелких вопросов и поболтал со старыми приятелями Петровым и Свиридовым. Хотя разговаривал он с ними порознь, каждый раз речь случайно заходила о Попове, и Сергеев внимательно, не перебивая, выслушивал собеседника, что бывало с ним нечасто.

Васильева майор не знал, но зато Женя Гальский учился с ним в Высшей школе, и когда одноклассники встретились на улице у райотдела, то обрадовались и решили вместе провести вечер. Зашли к Гальскому, поужинали, немного выпили, углубились в воспоминания. Васильев подробно рассказал, как он с замечательными парнями Куприным и Поповым работал на Олимпиаде, и пожалел, что Гальский до сих пор незнаком с такими отличными ребятами.

По субботам, как правило, в УУРе¹ работали, поэтому Сергеев назначил выезд на восемнадцать тридцать. Гальский и Тимохин ушли раньше, а Сергеев с Поповым покинули здание УВД², когда стрелки часов на проходной сложились в вертикальную линию. Они неспешно прошли по широкому неприбранному проспекту мимо шумного, даже перед закрытием, базара, Попов дернулся было в пеструю толпу, но майор легко удержал его за плечо: «Не надо, все есть».

На площади перед рынком промышляли карманники, наперсточники, дешевые проститутки и мо-

¹ УУР — Управление уголовного розыска.

² УВД — Управление внутренних дел.

шенники, специализирующиеся на приезжающих с товаром селянах. Вся эта публика либо знала оперативников в лицо, либо вычисляла их по коротким прическам, достаточно строгой одежде, а главное — по манере держаться, уверенной походке и «рисующим» взглядам.

— Менты, сдуваемся! — Кто-то прятался за киоск, кто-то сворачивал за угол, кто-то просто отворачивался, закрываясь растопыренной пятерней, но без особого страха, скорее по привычке — чувствовалось, что в данный момент опасности опера не представляют.

— Гля, кто это с Сергеевым? Наверное, новый... Тоже хороший бес!

Попов, хотя и доставал только до плеча своему спутнику, шел упруго, колко смотрел по сторонам, резко поворачивался, и чувствовалось, что в драке он — не подарок.

Пройдя рыночную площадь, они спустились на набережную, постояли у узорчатой чугунной, проломанной в двух местах решетки и ровно в восемнадцать тридцать подошли к четвертому причалу.

На черной чугунной тумбе, исправно простоявшей здесь девяносто лет, сидел улыбающийся старичок с выцветшими зеленоватыми глазами, большим, в красных прожилках, носом и седым венчиком волос, обрамлявшим гладкую, розово отблескивающую лысину. В руках он держал старомодную клеенчатую сумку и соломенную шляпу.

— Привет рыболовам! — весело крикнул он, взгромоздил шляпу на голову и, довольно бодро вскочив с нагретой за день тумбы, поздоровался за руку вна-

чале с Сергеевым, потом с Поповым. — А где же остальные? Неужели опаздывают? Водка-то небось скисает!

Это был ветеран МВД, отставной полковник Ромов по прозвищу Наполеон, которое относилось не к внешности или чертам характера, а к излюбленной истории о том, как в сорок седьмом году он чуть не насмерть отравился пирожным, съеденным в буфете наркомата. Наверное, отравление и впрямь было сильным, раз происшествие так врезалось в память. К тому же оно дало побочный эффект: заядлый курильщик Ромов на всю жизнь получил отвращение к табаку. «Ты бы запатентовал этот способ и лечил от курения, стал бы миллионером», — подначивал Викентьев, когда Наполеон в очередной раз с увлечением начинал про присыпанное подрумяненными крошками пирожное, которое он съел почти через силу, можно сказать, из жадности. Но перебить мысль рассказчика удавалось редко и только одним способом — надо было спросить: «А что, в буфете в те годы пирожные продавались?»

Тогда Наполеон входил в раж: «Все там было — и икра, и крабы, и водка, и коньячок... Хочешь — прими сто пятьдесят в обед, или звание обмой, или приехал кто с периферии — пожалуйста! Но пьяных не было! И дисциплина — с нынешней не сравнить...»

— А как с нарушениями соцзаконности? — подмигивал Викентьев, и благодушно-ностальгическое настроение Ромова исчезало без следа.

— Не было никаких нарушений, — побагровев, кричал он, яростно грозя пальцем, — сейчас у вас нарушений в сто раз больше! На улицу не выйдешь!

Впрочем, в последние годы, когда волна разоблачений захлестнула страницы газет и журналов, Напо-